

чем зрительская, в ней должно быть изложено в виде текста то, что автор пытается передать визуально. А для этого критик должен понимать, что хотел сказать автор своей работой, говорить с ним на «одном языке». По хорошему, критик — это переводчик с языка образов на обычный человеческий язык. И от его понимания того, насколько совпала конкретная работа и некая идеально возможная в данных условиях и на данную тему фотография, равно как и от умения это внятно озвучить, зависит адекватность перевода.

В слово «нравится» вкладывается весь потенциал критика. В результате чем больше уважаем нами критикующий человек, тем ценнее для нас похвала и, как ни странно, тем менее болезненна негативная оценка. Имя критикующего умножается на его оценку работы. Но, думаю, мне, не бывает абсолютно независимой оценки: ведь каждый критик, даже самый суперпрофессиональный, — всего лишь человек, со своими вкусами и пристрастиями, которые как на ладони видны в ходе его разбора работы.

Для корректного понимания фотографии необходимо представлять, для чего она создавалась. Цель предъявляет свои требования к качеству и содержанию работ. И поэтому каждая фотография может требовать для себя совершенно разных подходов. Вариантов сочетаний целей и специалистов, мнение которых может быть важно, велико. Это могут быть: известный критик (разгромная статья лучше глухого молчания), знаменитый фотограф (попытка стать учеником), главный редактор журнала, отбирающий снимки для публикации (стремление к известности), владелец галереи (деньги и слава), жюри конкурса (слава и деньги), редактор фотобанки (деньги и востребованность). Все они оценивают и разбирают работу со своей позиции, каждый предъявляет к работе определенный набор требований. Вся фотография целиком как художественное произведение оценивается редко, куда легче оценить ее прикладную составляющую. Ее можно однозначно выразить в денежном эквиваленте, определить продаваемостью, востребованностью. Жаль, что чаще всего на этом оценка и критика завершаются.

В фотографии, когда она уже появилась, трудно что-либо изменить. Ее можно только снять заново, выбросив неудачный «негатив» в мусор... Она — уже есть такая, какая есть: со всеми своими неправильностями и недочетами. Я редко встречаю людей, которые говорили бы: «Эта фотография имеет смысл с такой-то точки зрения. А с этой — она не представляет ценности...» Такой «правильный» критик редок. В лучшем случае ставят оценку или хвалят-ругают, в худшем — переходят на личности.

Иногда, разглядывая фотографии классиков и выступая в роли зрителей-критиков, мы думаем про себя (а иногда и высказываемся прямо или косвенно): ну что здесь такого, чего не смог бы сделать я?.. А там помимо прямого сюжета всегда присутствует еще «чуть-чуть» чего-то, что делает фотографию уникальной. И хотя нет жестких правил, нет общего рецепта, по которому шедевр можно создать, равно как нет и кнопоч-

ФОТО АВТОРА

«В принципе, практически каждый человек способен, посмотрев на свою работу слегка со стороны, честно сказать самому себе: стоящая она или нет»

ки «шедевр» на корпусе камеры, но у каждой хорошей фотографии это самое «чуть-чуть» есть. Фотография складывается из истории снимка, личной истории автора, подкрепляется историей изображаемого. Умножаясь на это «чуть-чуть», работа выходит из разряда рядовых, относящихся к некоему жанру, становится немного не такой, как все, — особенной. В этом, наверное, и есть секрет Хорошей Фотографии.

В идеальном случае рано или поздно наступает момент, когда критика становится лишь подтверждением тому, что ты чувствуешь сам. Появляется убежденность, что если чувствуешь: в этой фотографии все так, как надо, — стоит перестать ожидать похвал от кого бы то ни было и продолжать снимать так, как хочется, то, что видится, и, разумеется, искать возможность взглянуть на свои работы со стороны. Потому что всегда есть вероятность, что самонадеянный приступ гениальности «застит глаза». Здесь мера таланта фотографа должна бы найти общий знаменатель с мерой таланта зрителя и критика. В принципе, практически каждый человек способен, посмотрев на свою работу слегка со стороны, честно сказать самому себе: стоящая она или нет. Наверное, у каждого из нас внутри есть некий камертон, к которому очень полезно прислушиваться при съемке. А потом еще раз — при отборе фотографий в свой личный архив. А потом еще раз — выслушивая нелицеприятную критику. Критик в этом смысле — человек, который может извлекать из фотографии историю, заключенную в ней, умеет найти связи, возникшие внутри картинки, провести фотографа по его же следам, показать, как фотография может быть воспринята совершенно разными людьми. Но как тяжело проделывать этот путь за автором! И я бы сове-

товала всем, кто заинтересован в совершенствовании, развивать эту способность в себе и быть максимально строгими к своим работам, опираясь на идеал любимого автора (а что бы сказал про эту фотографию Картье-Брессон, например...), — и пустых и неинтересных фотографий станет на порядок меньше...

Зрительская критика... оценки... Я долго думала: хорошо это или плохо. Скорее — хорошо: люди смотрят, дают советы, показывают, как перекадрировать, осветлить/затемнить, применить фильтры... Да, пожалуй, это полезно, особенно на первых порах... Я бы назвала этот период «начальной школой». И он может тянуться у разных людей разное время, но наступает момент, когда, что бы ни говорили тебе твои еще недавно коллеги по этой «начальной школе» — зрители-критики, такие же фотографы, как и ты, а ты уже ищешь Учителя... То есть теперь тебе нужно мнение не всех подряд, а близкого тебе по духу человека, который прошел по той же дороге чуть дальше. Потом, немного погодя, учишься видеть свои работы со стороны, критические замечания уже не обижают, и ты воспринимаешь их так, как и должно, — как чужое частное мнение. Критика в таком случае может болезненно ранить, но заставить изменить что-либо в этой работе — немислимо. Думаю, что с этого момента начинается постепенное взросление человека в творчестве. Время совершать собственные ошибки, искать пути и принимать с уважением взгляды и мнения других людей. И пусть на всех снимающих не хватит искусствоведов, главное — чтобы зрительская критика не оскорбляла, чтобы мы умели видеть в ней основное — заинтересованность.

Наталья ПУСТЫННИКОВА